

Была ли философия в Древней Руси?

Много раз доводилось сталкиваться с тем, как современные профессиональные философы в удивлении поднимали брови, когда речь заходила о древнерусской философии. Не легко противостоять сомневающимся в том, что феномен русской средневековой религиозно-философской мысли имел место. Тем более нелегко это делать после уничижительных высказываний в адрес древнерусской философии крупных и авторитетных авторов.

Пожалуй, одними из первых нигилистическое отношение к древнерусской философии выразил Гавриил Бужинский. Он утверждал, что самого названия философии на Руси не было слышно. Ему вторил А.П.Сумароков. Современные исследователи наших дней встречают в древнерусских текстах понятие «философ» и «философия» сплошь и рядом и для них ясно, что предвзятая оценка никак не связана со знанием реального наследия и диктовалась общим пренебрежительным отношением к допетровской эпохе. Получалось, что с формальной точки зрения Бужинский не прав. Но есть еще и суть дела, связанная с эпохальным пониманием философии того времени.

А по сути проблемы крайне низкую оценку духовной жизни Древней Руси дал в своих «Философических письмах» П.Я.Чаадаев. Не только философии, но и вообще никаких достижений мысли в средневековом прошлом Руси он не видел. Страна представлялась Чаадаеву пребывавшей в косности и варварстве, на почве которого невозможны никакие внешние влияния. К такому же заключению, но в более мягкой форме, пришел К.Д.Кавелин. В его представлении философия, как проявление умственной жизни, не стала предметом серьезного интереса древнерусского человека. Самая уничижительная характеристика принадлежит Г.Г.Шпету. В «Очерках развития русской философии» умственную жизнь Древней Руси он называл «невегласием» и сожалел, что принятие христианства на родном языке отгородило страну от латинского Запада, что могло бы дать иное направление отечественной мысли.

С западноевропейскими мерками подходили к оценке русского средневекового наследия и другие мыслители. В частности, В.В.Зеньковский связывал предпосылки зарождения философии на русской почве с западным влиянием, которое он датировал XV столетием. Представители иного идеологического фронта руководствовались теми же критериями. С началом европеизации России связывал зарождение отечественной философии Г.В.Плеханов, который считал, что культурное наследие более достойно изучению с позиций литературоведения, нежели философии. Чуть более полувека тому назад критерием Плеханова руководствовались М.Т.Иовчук и

О.В.Трахтенберг. Историю русской философии они начинали с XV в. и отождествляли последнюю с общественно-политической мыслью.

Уничижительное отношение к культурному наследию русского средневековья формировалось критериями западноевропейской философии Нового времени. Через призму европоцентристской матрицы весь предшествующий петровской ломке массив духовного наследия с позиций вестернизации стал восприниматься как отсталый, чуждый и не вписывающийся в нормы новоевропейского философствования. Обесцененное прошлое долгое время не удостоивали просто изучения. Поэтому предвзятый приговор Бужинского и Сумарокова понятен как установка, не основанная на знании реальных фактов. Кавелин и Чаадаев исходили из понимания различия западноевропейского и русского путей развития, а отечественная наука в их годы делала лишь первые шаги в деле изучения древнерусского идейного наследия. Иное дело – Г.Г.Шпет. Когда он пришел к своему заключению о «невегласии» основной массив письменных памятников Древней Руси был уже открыт и изучен. Но понимавший философию как чистое знание Шпет, не увидел в текстах, чтобы мысль о бытии в них обращалась одновременно на самую себя, с точки зрения содержания, значения и смысла предметных форм. Эволюционируя от феноменологии к герменевтике, он творил, находясь в четком русле классического европейского философствования. Такая логика мышления исключала соприкосновение с национальной традицией средневековой эпохи.

На этом преобладающем негативном фоне постепенно оформлялось осознание собственных достижений, начиная с древнерусского периода. Еще на рубеже 30-40-х гг. XIX в. Гавриил Воскресенский в многотомной истории философии призывал искать философские сюжеты, рассеянные в древнерусских текстах. На философскую составляющую в древнерусской книжности стали указывать филологи (например, работа И.С.СВЕЦИЦКОГО «Начала философии в русской литературе XI-XVI вв.»). В 1892 г. М.В.Безобразова в полном соответствии с требованиями европейской научной школы успешно защитила в Берне докторскую диссертацию «Рукописные материалы к истории философии в России». Она была построена на источниках XII-XIV вв. и легла в основу серии статей, посвященных анализу бесспорно философских текстов Древней Руси. Под этим влиянием наметился переход от скептицизма к еще достаточно осторожному и с оговорками признанию феномена древнерусской философии. Э. Радлов, в «Очерках истории русской философии» уже признавал наличие «слабовыраженного философского элемента» (1920 г.), а А.А.Галактионов и П.Ф.Никандров охарактеризовали общественную мысль XI-XVII вв. как предысторию русской философии (1970 г.). Авторитетные мнения классиков отечественной мысли сыграли неблагоприятную роль. Специалистов по изучению древнейшего периода русской философии долго не появлялось.

Подлинный прорыв произошел в 1968 г., с выходом в свет 1-го тома пятитомной «Истории философии в СССР». В ней целая глава была посвящена философской мысли Древней Руси. Парадокс состоял в том, что фактическую сторону дела освещали историки и филологи, глубоко знавшие материал, а интерпретацию его осуществляли философы, которые хуже знали фактуру, но видели философские аспекты произведений. Историки русской философии начали перекалфицироваться на древнерусскую тематику. Не обошлось и без курьезов. После того, как академик М.Н.Тихомиров отказался вносить дополнения В.Ф.Пустарнакова, тот предложил для обсуждения собственную версию раздела. Она была передана для ознакомления М.Н.Тихомирову, а после его смерти опубликована под его именем как наследие ученого. Из сравнения двух версий видно, насколько глубже философы входили в проблематику. И это при том, что приобщению философов к древнерусской тематике долгое время мешал языковой барьер. Большая часть собственно философских текстов находилась в рукописях, а читать их профессиональные философы не могли.

По мере открытия древнерусской культуры и удивления ее шедеврами безапелляционное обвинение в «невегласии» утратило основание. В конце 70-х - начале 80-х годов появились и первые профессионалы-философы, целиком посвятившие свои изыскания древнерусскому периоду (М.Н.Громов, А.Ф.Замалеев, В.С.Горский). Быстро росло количество их последователей и учеников. Философскую тематику Древней Руси все чаще стали избирать в качестве кандидатских и докторских диссертационных исследований. Утверждению древнерусской философии в ее правах немало содействовали представительные конференции, которые инициировали киевские коллеги. Они умело стимулировали обращение историков к философской проблематике и вовлечению философов в древнерусскую тематику.

Так или иначе, можно констатировать, что к началу XXI столетия философы-профессионалы прочно обосновались на древнерусском поле. Персоналия историков древнерусской философии нынче едва обозрима. На трудности работы со средневековыми документами уже никто не сетует. В научный оборот все шире вовлекаются рукописные материалы из древних хранилищ. На постоянной основе публикуются все новые и новые тома серии «Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси», параллельно с серийным изданием «Памятников древнерусской мысли». Усилиями нескольких поколений исследователей философская составляющая древнерусского наследия утверждена в ее правах. Да и могло ли быть иначе, когда общепризнанным стал феномен византийской философии (благодаря работам С.С.Аверинцева) и средневековой религиозной философии Запада (труды Г.Г.Майорова и В.В.Соколова). Практически все греческое духовное наследие благодаря переводам перешло к нам, а избирательное заимствование с Запада также присутствует на разных стадиях развития отечественной средневековой культуры.

Нигде в средневековый период философский компонент не затерялся. Он непременно выступает в богословской оболочке. И в этом случае Русь не исключение. Такова эпохальная специфика. Не смотря на господство религиозной формы сознания задавались и решались извечные философские проблемы о предельных основаниях бытия, о возможностях, приемах и границах познания, исследовались закономерности и движущие силы исторического процесса. Не ограничиваясь скупой библейской данностью мыслители искали ответа на извечный вопрос: «что есть человек?». Вряд ли нужно специально говорить о широте нравственного измерения бытия в древнерусскую эпоху, отчего отечественную средневековую мысль даже подводят под определение «панэтизма».

Философские смыслы в интересующий нас исторический период концентрируются в далеко нефилософских по жанру текстах, отчего те не теряют своего философского качества. Глубина обобщений и качество мышления – главные критерии в оценке текста, позволяющие считать текст философским. Именно по этим основаниям древнерусскую мысль можно рассматривать в качестве одного из вариантов мировой философии. Она так же как индийская, или китайская философия не отвечает европейским стандартам философствования, с характерным для них культом науки и специального образования.

Хочется надеяться, что издержки скептицизма в отношении древнерусской философии уйдут вместе с преодолением европоцентризма и признанием многовекторности мирового философского процесса. Движение в этом направлении ощущается все отчетливее. И на этом фоне воинственно-нигилистический протест против неправомерного возвеличивания древнерусского философского наследия (исключительно в сравнении с Гегелем и Кантом!) выглядит изживающим себя анахронизмом (См.: Сапронов П. А. Русская философия. СПб., 2008). То же самое можно сказать и о сомнениях, проявляющихся у представителей философской общественности, по-европейски высоко просвещенных, но стереотипно осмысляющих явления исключительно в установках воспитавшей их традиции.